

"ОБЛАКА"

06.12.2011

В эфире программа «Облака».

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

Одна из причин рецидивной преступности, по мнению специалистов, заключается в том, что граждане, освобождающиеся из мест лишения свободы, законодательно не выделены в отдельную категорию населения. Закон как бы не признает наличие у этой группы специфических социально-психологических и правовых особенностей. В результате, социальные службы занимаются бывшими заключенными, что называется, «на общем основании» - без учета степени их асоциальности и особых нужд и потребностей. В то же время руководители социальных служб понимают неравномерность условий, в которых оказываются лица, вернувшиеся из мест заключения. У микрофона **Геннадий Анатольевич Васьков**, руководитель управления социальной защиты населения Администрации Миасского городского округа Челябинской области:

Когда человек высококвалифицированный, с хорошим послужным списком, далеко не всегда находит себе применение, то, соответственно, можно спроецировать на человека, вернувшегося из мест лишения свободы. Понятно, что интерес к нему у работодателя, как минимум будет на несколько порядков ниже, нежели к специалисту, не имеющему такого опыта. То есть, в этом смысле, условия равными для разных категорий – а это две разные категории – потенциальных работников или граждан как членов общества, он не может быть одинаковым. В любом случае либо должны быть какие-то обязательные квоты, либо преференции работодателю, чтобы его простимулировать, если хотите, заинтересовать.

Геннадий Васьков считает, что, безусловно, должна быть структура, причем государственная, которая бы помогала бывшим осужденным социализироваться. Наша передача уже рассказывала, что в настоящее время разрабатывается законопроект, направленный на создание такого института, возможно на базе существующих уголовно-исполнительных инспекций и органов соцзащиты. Продолжает Геннадий Васьков:

Принципиально важно, чтобы в нормативном документе это было не просто декларировано, потому что все равно надо создать, как минимум, необходимую инфраструктуру, или изменить насыщение той структуры, которая сегодня имеет место быть, потому что здесь, в первую очередь, должны работать хорошие психологи. Хорошие психологи, которые могут снять это неприятие происходящего вокруг, человека, который возвращается, чтобы он не тянулся в среду своих бывших.. чтобы он входил в нормальный социум, в нормальный быт. Как минимум вот это должно быть предусмотрено в документе.

В Миассе есть Комплексный центр социальной адаптации граждан без определенного места жительства. Среди тех, кто попадает туда, высокий процент лиц, имеющих судимость.

Сегодня этот центр занимается тем, чтобы взять с улицы, помыть, почистить, побрить, документы восстановить, вернуть как-то к жизни и попытаться трудоустроить. Расчетная мощность – 30 человек. Мало, для нашего 170-тысячного города этого уже мало. Мало мощности и очень узконаправленная деятельность его получается. Вот может быть на базе этой структуры стоит.. отдельно подразделение, которое будет сориентировано, которое

будет помогать, буквально брать за руку. Вести к работодателю, решать вопросы с работодателем, чтобы человек не оказывался один на один с работодателем, чтоб может быть его интересы, на первых порах кто-то представлял.

Помимо нормативного обеспечения, решение проблемы реадaptации бывших заключенных будет напрямую зависеть от адекватного финансового и кадрового обеспечения. А это само по себе немалая задача, которая пока не решается в социальной сфере – заработная плата социальных работников, психологов, инспекторов подчас не превышает уровень минимальной оплаты труда. Практически специалисты работают в социальных учреждениях либо по велению сердца, либо в силу каких-то вынужденных обстоятельств. Руководителям социальных служб, которые ничего не могут поделать с ситуацией, приходится отвечать своим сотрудникам – не хотите, не работайте.

* * *

28 ноября на встрече с представителями средств массовой информации Уральского федерального округа Президент России Дмитрий Медведев признался, что учреждения уголовно-исполнительной системы «вообще никогда не работают на исправление.» А если мы неоправданно отправляем молодого человека в лагеря, сказал президент, мы, по сути, «губим человека, или по крайней мере выводим его из социального равновесия на длительный период.» Нам «нужно разумно, спокойно, но в то же время настойчиво провести полную ревизию уголовно-исполнительной системы.»

Руководитель челябинского благотворительного фонда «Дело каждого» Василий Викторович Храмов также считает, что наша исправительная система не исправляет. Год назад он создал реабилитационный центр для бывших осужденных. За это время через центр прошло примерно сто человек. Результаты реабилитационной работы пока не утешительны. У микрофона **Василий Храмов:**

Вот например из всей массы, которая у меня сейчас есть – я как-то тут анализировал, из ста человек я может быть пятерым, кто у меня остались в памяти, нормальные люди, которым я помог. Остальным бесполезно. То есть, кроме мата в свой адрес, кроме желания воткнуть мне кусок стекла там и так далее, я ничего не вижу вообще... Я какое-то время вообще сломался, во мне стержень вообще сломался. Я долгое время не понимал вообще, для чего я это вообще делаю, кому это надо – государство не поддерживает, люди меня матерят, я один остался. Я когда к священнику пришел, он сказал: даже если ты одному человеку поможешь, то ты вообще не зря жил, в принципе.

Реабилитационный центр Василия Храмова – это одноэтажный дом, в котором раньше забивали скот. Чтобы превратить его в жилое помещение пришлось приложить немало усилий, для начала отчистив его от останков убитых животных. Теперь здесь тепло, уют, баня два раза в неделю. Помещение рассчитано на 48 человек. Еду готовит женщина, которая до этого работала в одном из городских центров адаптации граждан без определенного места жительства. Есть и охрана – помогают местные казаки, присылают дежурить молодых парней-бывших десантников. Привыкание к новой модели жизни не проходит без срывов. Продолжает Василий Храмов:

10 процентов остаются, 90 процентов – тюрьма сделала свое дело. Это означает – спиваются, уходят, работать не хотят, работать не могут. Потому что объекты все тяжелые у меня – стройки, дорожные работы. То есть они спиваются... в тюрьме же пропаганда «не работать». Во многих же зонах, сейчас зоны не загружены работой, нет заказов. Они сидят-бродят.. В итоге навыка работать абсолютно...они не могут утром встать на работу. На неделю их хватает, а потом они не могут эту монотонность выдерживать – встал утром,

пришел, выполнил задание, вечером пришел, люди неспособны. То есть 80 процентов это уже все – люди, которые уже искалечены.

Поначалу Василий Храмов брал в реабилитационный центр всех подряд, но вскоре понял, что масса асоциальных людей становится все более неуправляемой, и вынужден был установить жесткую процедуру приема. У человека не должно быть инфекционных заболеваний, которые бы представляли угрозу для всего сообщества, во-вторых, кандидат должен показать в личной беседе, что хочет не просто зиму в тепле отсидеться, а действительно намерен поработать, чтобы встать на ноги. За такую жесткость Храмова иногда упрекают, но он стоит на своем – помогать надо и можно только тем, кто сам хочет себе помочь. У него очень практический подход:

В итоге что хочу сделать? я хочу взять людей, которые прошли большие срока, обучить их нормальной специальности, например, женщин я буду учить штукатур-маляр. Что такое штукатур-маляр – это всегда живые деньги в кармане. Отделку, что коттедж, что здание – она всегда зарабатывает, у нас штукатур маляр 30 тыс. получает.

Становление центра дается с трудом, оборудование стоит недешево – котел 100 тысяч, проводка – 40 тысяч и многое еще другое. А реальную помощь пока оказал только уполномоченный по правам человека Челябинской области. Ни один из областных чиновников, ни одно официальное лицо Русской православной церкви так и не посетили Центр, несмотря на приглашения. Сотню писем направил фонд «Дело каждого» в различные благотворительные организации, в том числе, и зарубежные. Ни одного ответа он пока не получил. Теперь Василий Храмов собирается обратиться к федеральному инспектору в Челябинской области, представителю президента России. Просто удивительно, что работа подвижников, которых в стране единицы, официальной России неинтересна.

* * *

Магнитогорский фонд «Гражданская инициатива» в основном занимается людьми, живущими с ВИЧ. Однако среди этой категории часто встречаются и те, кто отбывал наказание в местах лишения свободы. Работа с ними проводится на базе социального бюро, которое зарекомендовало себя как перспективная форма поддержки людей, испытывающих проблемы с социальной адаптацией. Рассказывает директор фонда «Гражданская инициатива» **Александр Анатольевич Дегтярев:**

Наша суть социального бюро заключается в том, что, занимаясь общесоциальными вопросами мы помогаем человеку обрести какое-то место в этом обществе и не пойти по рискованному поведению. У нас поведенческая болезнь, связанная с поведением, рискованные практики. Если девочка, которая приходит из мест лишения свободы, и у нее есть проблемы с жильем, которые не решены, с местом работы, которые тоже не решены, еще с какими-то вопросами, мы прекрасно понимаем, что эта девочка может через какое-то время оказаться среди наших уязвимых групп, которые мы называем коммерческие секс-работницы..

Как показывает опыт, в социальном бюро может работать всего два человека – специалист по социальной работе и психолог. Но они должны многое понимать и владеть определенной технологией. При этом у социального бюро должна быть сеть партнерских организаций, которые привлекаются всегда, когда специалисты не в состоянии помочь клиенту сами.

Однако на сегодняшний момент проблема заключается в том, что имеющиеся социальные службы нормативно не сориентированы на категорию бывших заключенных и не обладают достаточными знаниями и ресурсами. Кроме того, иногда просто нельзя помочь человеку, если не вытащить его из среды, которая и привела его в тюрьму. Сам же он часто сделать это не в состоянии. Бывает, что он даже не может дойти до соответствующих служб и органов. На западе существуют так называемые низкопороговые программы и отлаженная инфраструктура. У микрофона Александр Дягтерев:

А система уличной работы у нас нигде не отлажена. А что бы нужно сделать, чтобы все это работало? Во всех европейских странах есть, и в нашем понимании, в научном сообществе, есть понимание того, что существует система уличных социальных работников. Это те люди, которые – это не вы и не мы бегаем по вокзалам и разыскиваем этого человека, которому необходима помощь, - а специально подготовленные люди, которые знают, как с ними работать, знают куда это. Но опять же ему нужно не только бегать и искать, ему нужно знать, куда он ее приведет, то есть ресурсное обеспечение всего этого процесса.

Как признал недавно Дмитрий Медведев, система надзора за теми, кто совершил преступление и отбыл наказание, «у нас вообще не развита.» «Нам нужно создать свою службу пробации, такую, как есть в других государствах», - сказал Президент. В настоящее время соответствующий законопроект находится в стадии разработки, и общество ожидает, что будущий закон позволит, наконец, создать инфраструктуру, которая будет обладать ресурсами, достаточными для решения всего комплекса проблем, с которыми сталкиваются лица, имеющие многолетний опыт лишения свободы.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.